

Евгений Петров

Хроники Чеггорра

«Андромаха»

Евгений Петров

Хроники Чеггорра. «Андромаха»

«Издательские решения»

Петров Е.

Хроники Чеггорра. «Андромаха» / Е. Петров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961531-2

Первая поистине дальняя экспедиция внутри Солнечной системы успешно стартовала. Что ждет исследователей? Есть ли еще жизнь на планетах Солнечной системы?

ISBN 978-5-44-961531-2

© Петров Е.
© Издательские решения

Содержание

Часть Первая	8
Вперед к Каллисто	9
Запись 1	9
Запись 2	12
Запись 3	15
Запись 4	18
Запись 5	21
Запись 6	24
Запись 7	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Хроники Чеггорра «Андромаха»

Евгений Петров

© Евгений Петров, 2019

ISBN 978-5-4496-1531-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Запись 0 (она же предварительная)

Странно, но именно теперь мне пришлось стать историографом экспедиции. А ведь я первоначально даже и не была полноправным участником, а так – всего лишь практикантка, или официально «практикант-исследователь». Чего там было отдельно от всех исследовать? И без того вся экспедиция считалась исследовательской. Мы должны были обследовать Каллисто – один из спутников Юпитера, на случай возможного переселения.

Но, судя по открывшимся данным с Земли, наша экспедиция несколько запоздала.

Сразу после приближения к цели нашей экспедиции ко мне подошла Оксана Николаевна. Посмотрела она на меня. Интересно все-таки, как у нее получается – глядеть на всех свысока? Весь предыдущий полет у меня из головы не выходила эта мысль. На вид она невысокая, какая-то кругленькая что ли. Домашняя такая, уютная. Даже и не скажешь, что внутри у нее словно стальной стержень. Еще во время учебы многие прокололись на обманчивости ее внешности. Ее строгости во время приема экзаменов можно лишь поражаться. Например, наш Агарон Аветикович – нет, буду называть его как все – АГАРОК. Он и сам привык, не обижается. Так вот, Агарок сдал Космографию лишь с четвертого раза.

Впрочем, я опять отвлеклась.

В общем, подошла Оксана Николаевна ко мне.

– Вот что, Аня, – проговорила она, – тебе придется дополнительно поработать.

Поработать? Мы и так весь полет работали, что называется, не покладая рук. Хотя далеко не так, как на обычных космических станциях. Все-таки экспедиция продолжалась несколько лет, и далеко не каждая минута на счету. Впрочем, приказы не обсуждаются.

– Поработать, так поработать. А что делать-то?

Оксана Николаевна слегка поморщилась – не по Уставу.

Но ничего не сказала: понятно же – накопилось

– Напишешь отчет-дневник экспедиции.

Вот те и здарсьте. Мало ей стандартного отчета. Бортовой компьютер уже несколько блоков заполнил. Бери и читай. А мне ж теперь еще и вспоминать надо.

– А почему я?

– А кто еще?

Такого ответа я никак не могла ожидать. Интересно, а в других экипажах тоже есть историографы?

Оксана выжидательно смотрела на меня. Чего она, собственно, добивалась?

– Слушаюсь, – пришлось выговорить мне, – есть составить отчет-дневник экспедиции!

Удовлетворенно хмыкнув, она удалилась в рубку.

А я устроилась в кресле каюты.

На Экранах Наружного Наблюдения неуверенно приближался Юпитер.

Интересно, с чего стоит начинать мое повествование? Тем более, что многое уже забылось, как ненужное. А что-то, наоборот, запомнилось наиболее ярко. Хотя, для других события выстроились совершенно в других критериях значимости.

Так, с чего же мне начинать?

Может с момента старта?

А что в нем особенного?

Старт был как старт. Столько их было в последнее время. Весь Космос продырявили, как насмешливо говорил отец. Интересно, значительно ли изменились близкие нам люди за время полета. Несколько лет длился полет, но, сколько прошло на Земле? Что там говорит Теория Относительности? И насколько она правильна? Вопросы цепляются в цепочку один за другим. И ответа пока не видно. Что ж, поживем-увидим.

Например, в книгах, которые когда-то собирал Инвар – связист пропавшей Ариадны – встречались абсолютно разные подходы к этой проблеме. От парадокса времени до мгновенного перемещения от одного космического объекта к другому.

— —

И все-таки начну по порядку.

О своем участии я узнала практически только перед самым построением.

Выпускники Высших Навигаторских Курсов этого года получали распределение на корабли так называемой ЮПИТЕРИАНСКОЙ программы. Четыре экипажа по шесть человек плюс руководитель. Вот и весь состав.

Однако в самый последний момент председатель Совета по Освоению Космического Пространства предложил включить в составы по одному практиканту. Причем, участие в проекте держалось почему-то в строжайшей тайне. Хорошо, что еще и моя подруга Жанна оказалась включенной в программу. Я попала в команду АЛЬФА. А Жанна – в команду БЕТА.

Мы стартовали раньше и были уже в полете, а Жанна отправлялась еще только через неделю по Земному времени после нас.

По Земному!

В начале полета очень непривычно было так говорить. Зато теперь время у нас уже вполне привычно делится на земное и корабельное. Корабельное – двадцать четыре часа – сутки. В сутках же для каждого из нас отводилось некоторое время на вахту.

Но, по-моему, я опять несколько отклонилась.

Итак, мы стартовали с МКС в плановом режиме без всяких неожиданностей.

Обстановка на «Андромахе» естественно отличалась от того, что мы видели на станции. Конечно, МКС нашего времени совершенно не похожа на то, что было еще совсем недавно. Во всяком случае, на космической станции теперь нет ни невесомости, ни тесноты. «Андромаха» же больше напоминает космические корабли старинных фильмов. Инвар как-то показывал.

Все-таки жаль, что мы с ним не в одном экипаже.

Противоперегрузочное кресло ив каюте – лишь дань условностям. В «Андромахе» скорость нарастает до того постепенно, что практически не заметно. А наличие искусственной гравитации на борту вообще превращает корабль в привычное местопребывание где-нибудь на планете. В результате, у нас за все годы полета должно складываться впечатление обычной земной жизни.

Но вот мы уже в полете. Я в кресле. На мониторе появилась Земля. Хоть мы ее неоднократно видели на тренировочных полетах, но все равно каждый раз меня охватывает щемящее чувство.

Какая же она красивая, наша планета. Никаких красок не подберешь, чтобы изобразить. Впрочем, я все равно захватила с собой холсты и краски. В свободное время решила писать картины. Оксана Николаевна лучше бы назначила меня художником экспедиции. Все-таки мне это ближе. А на экране фантастическими красками переливалась ЗЕМЛЯ. В таком великолепии мы ее теперь увидим лишь по возвращении. А оно будет только через несколько лет.

Эти моменты уже в прошлом, но все равно как-то не по себе.

Ну, вот мне опять стало грустно...

Попробую для начала описать нашу «Андромаху».

По принципу конструкции «Андромаха» никак не должна опускаться на какую-либо планету. Все-таки не космический челнок, класса БП-1 «Сияние». Прототипом «Сияния» служил древний «Буран», выпущенный, страшно сказать, еще в Советском Союзе.

«Андромаха» же совсем другое.

Даже собиралась она в Космосе, причем, как и все остальные корабли Юпитерианской программы.

Полностью конструкцию и чертежи космических кораблей класса СДП-1, к каким относится и «Андромаха», наверняка еще можно найти в архивах. Только сохранились ли сейчас архивы? Впрочем, подробная схема «Андромахи» есть и в официальном отчете, и в бортовом журнале. Есть, конечно, и некоторые отличия в кораблях этой серии.

Попробую описать по-простому. Если смотреть сбоку, то «Андромаха» напоминает что-то вроде пирамидки – такой древней игрушки. Само сердце корабля – двигатель – располагается в центре, в цилиндрическом корпусе. Несколько ремонтных переходов соединяют двигатель с техническим кольцом. Именно из технического кольца при необходимости разворачиваются крылья солнечных батарей. Крылья эти выдвигаются в промежутки между Большим и Средним кольцами.

Солнечные батареи покрывают и поверхность Большого кольца «Андромахи». Именно в этом кольце расположены практически все лаборатории. Там же и главное достояние корабля – оранжерея. Кроме того, запасы продовольствия на все время полета тоже хранятся в складах большого кольца. Хорошо еще, что мы стартовали не с Земли, а то такое количество продуктов вряд ли способно поднять любое космическое судно.

Кстати, в Большом кольце располагается и Рубка Управления, в которой мы и несем суточные вахты. Небольшое такое помещение, рассчитанное на двух человек. Два кресла и огромное количество всяких приборов. Во время вахты за ними приходилось лишь следить, и только в самом экстренном случае допускалось принять участие в управлении. Весь же маршрут должен был проходить в автоматическом режиме.

А так же в Большом кольце располагалось и несколько шлюзов для выхода в космос, и четыре ангара для посадочных капсул, на четыре человека каждая. С самого начала я задавалась мыслями: Зачем нам четыре капсулы? Мы от силы сможем заполнить только две из них. Кроме капсул в ангарах располагалась целая армия разведывательных зондов, напичканных разнообразной аппаратурой.

Ниже большого кольца располагается жилое среднее кольцо. В нем находятся каюты экипажа. А еще в среднем кольце есть комната отдыха и тренажерный зал.

Что еще можно написать о конструкции? Ничего.

Так что прекращу, наверное, я эту тему...

Часть Первая

Вперед к Каллисто

Запись 1

На Экранах Наружного Наблюдения всеми красками играл Космос. Впрочем, я повторяюсь. Все равно несколько трудноვაо воспользовать прошедшие дни.

Лучше, наверное, описать сам полет.

Это только для тех, кто не знаком с космическими полетами, кажется, что продвижение в Космосе идет по прямой. На самом деле это далеко не так. По сути, наш полет напоминает движение по спирали, раскручиваемой с Земли. Траектория больше всего похожа на графическое изображение золотого сечения. О золотом сечении лучше рассказал бы все тот же Велниньш с «Ариадны». Где-то он сейчас? Вроде бы и они должны скоро стартовать.

Впрочем, я опять отвлеклась. Что-то слишком часто я отвлекаюсь

Первым объектом нашего путешествия, естественно, являлась Луна. Посадки на нее не планировалось. Да, впрочем, и зачем?

Наша старая добрая Луна теперь изучена вдоль и поперек. В последнее время выяснилось, что наш древний спутник вовсе даже и не шар, а сложное образование, в чем-то напоминающее... лепесток, что ли... И вращается в обычном режиме. Просто, когда она обращается к Земле вогнутой стороной, ее не видно. Вот и кажется, что она обращена к Земле одной стороной.

В общем, Луна. Где-то там располагается целая группа международных станций. Насколько я понимаю, наш Агарок уже приготовил всю свою аппаратуру для связи с сотрудниками этих станций. Естественно, сам сигнал поймать невероятно сложно. Разве только мы сами не начнем связь первыми. Именно так и поступил Агарон Аветикович. Привет и пожелания успеха с Российской станции Агарок сразу разместил на всех мониторах «Андромахи». Удачи пожелали и американцы с какой-то частной площадки.

Пролетели мы мимо, лишь взглянули на Луну с камер Наружного Наблюдения. Вздыхнули украдкой от так называемой встречи с последним оплотом человечества перед погружением во «двор Солнечной Системы. И устремились дальше. Теперь-то уж точно Земля осталась позади.

Следующим пунктом нашего маршрута должен бы стать Марс. Сразу же возник вопрос, увидим мы его или нет? Вопрос достаточно сложный. Я все прикидывала: – В какой точке мы пересечем его орбиту, и где в это время будет сама красная планета?

Я даже дала команду компьютеру рассчитать вероятность встречи «Андромахи» с Марсом. Вообще странное сочетание, если рассматривать ее с точки зрения древнегреческих мифов. По подсчетам компьютера получалось, что мы пролетим раньше, чем он подойдет к месту встречи. Жаль, что туда еще не отправилась планируемая экспедиция. Ребята отправятся уже после стартов Юпитерианской программы. В состав Марсианской экспедиции включена и Снежана Грин. Поначалу Снежка должна была участвовать в программе вместе с нами, но что-то не получилось. Подробности я не знаю. Хотя, все равно же Марс останется вне зоны нашего путешествия.

Стартовавшей за нами «Ариадне» должно было повести больше. У них спираль раскручивалась несколько по-другому.

Потянулись обычные полетные будни.

Вскоре началась и первая моя вахта. Вот тут-то и случилось самое неожиданное.

— —

— Эй, практикантка, — раздалось в переговорном устройстве. Меня так обычно Джордж называет. — Чем занимаешься?

Надо же, решил чем-то разнообразить вахтенную рутину. Но, ничего не поделаешь, нужно было отвечать.

— Разрабатываю гипотезу Велниньша, — чуть замешкавшись, проговорила я.

Не могла же я ему сказать, про краски Космоса. Тем более капитану корабля и, в какой-то мере, начальника экспедиции. Руководитель, конечно, Оксана Николаевна, но начальник — Джордж. Как это стыкуется между собой? Впрочем, не мое дело.

Попробую описать саму гипотезу.

Впрочем, говоря по правде, гипотезы-то никакой и нет. Инвар просто однажды в компании курсантов размышлял о своем видении замкнутой сферы Вселенной.

Инвар говорил, что Вселенная строго ограничена:

«...В качестве границ ее наиболее подходящим для этой роли является Облако Оорта. Загадочный объект окружает Солнечную систему плотным шаром. Относительно плотным. А что если вся картина звездного неба вроде как нарисована на поверхности сферы облака Оорта?»

Таким образом, и появился в сознании предков хрустальный свод небес с гвоздиками звезд. Может, предки просто здраво рассуждали.

Но в то же время они считали Землю плоской и расположенной на трех китах... Что они имели в виду, когда говорили Земля? Только ли саму планету? А если рассмотреть это понятие шире и распространить на всю Солнечную систему? Оттуда и выражение за тридцать земель...

Теперь все укладывается в схему. Особенно, если взять во внимание... плоскость эклиптики.

Теперь — киты (слоны, черепаха). А если это всего-навсего СОЗВЕЗДИЯ. Попытаемся объединить видимые звезды в других сочетаниях. Тогда не только киты появятся, но много чего еще...»

Вот, примерно так и обосновывал Велниньш свою гипотезу. Насколько она правомочна? Нужно разбираться и разбираться.

— Хм, — задумчиво протянул Джордж, — пожалуй, подходящая тема для исследования. Только согласуй ее с Осиповой...

Так я получила в довесок еще и научную тему...

Осталось совсем немного — согласовать с Оксаной Николаевной эту тему. А попробуй это сделать с учетом того, что Осипова все-таки крупнейший специалист по космографии. Предлагать ей такую теорию, идущую в разрез с общепринятой точкой зрения. Хотя, она вполне может оказаться женщиной широких взглядов. В принципе, это возможно, но маловероятно.

Все-таки, как может преподаватель, оценивающий дипломную практику выпускников ВНК, вдруг отказаться от прописных истин?

Другой вопрос, почему на дипломную практику пригласили стажеров, которым еще учиться и учиться? Известно только, что на этом настаивал сам Атласов.

Опять же, что за практика, длящаяся несколько лет? Все обучение на ВНК занимает втрое меньшее время. Полные непонятки.

А может, все гораздо проще. Никуда мы не летим, а все это лишь имитация? Что-то подобное показывал Инвар еще в Универе. У него когда-то была довольно неплохая коллекция фантастики. Интересно, прихватил ли он ее с собой?

Опять я о Велниньше. Да, что это со мной такое?

Нет, надо переключаться. Все же я должна нести вахту.

Кстати, а в чем именно заключается смысл моей вахты на данном этапе экспедиции?

Функции мои мне известны не понаслышке. Все-таки за время учебы нам несколько раз приходилось побывать и на МКС. Но тут все-таки не просто станция. На Андромахе предстояло прожить несколько лет. И понятие вахты неизбежно должно отличаться от обычной операторской деятельности.

По сути должно отличаться и время, отдаваемое каждым членом экипажа дежурству. По общей практике непосредственно вахте должно уделяться не более четырех часов. При более длительном дежурстве накапливается усталость. Взгляд замыливается. Не все показания одинаково просматриваются. Хотя, и четыре-то несколько многовато. Я бы, например, предложила бы... два часа. Но Оксана Николаевна и тут высказала свой вариант – три часа. Таким образом, за условные корабельные сутки все успевают отработать свою вахту. И так сутки за сутками. Наверное, это достаточно эффективно. За это время даже самый неискушенный дежурный попросту не успеет устать.

Кроме того, тут в Рубке Управления не так много приборов слежения, как можно было бы предположить. Небольшое, такое уютненькое помещение с парой вращающихся кресел, расположенных на специальных направляющих. Несколько экранов с графиками и схемами и циферблатами. Уследить за ними всеми, конечно сложно, но вполне возможно. Вот только кресла все-таки два. Значит, на вахте должны находиться не один, а два человека. Почему Осипова решила, что одного вахтенного вполне достаточно?

Я отвернулась от экранов.

Стрелочки циферблатов слегка подрагивали. Самописцы вырисовывали замысловатые зигзаги. Судя по прилагаемым инструкциям, все показатели оставались в норме. На круговых диаграммах вычерчивались прерывистые ритмические спирали. Яркая точка на маршрутной карте, символизировавшая «Андромаху», уверенно двигалась по пунктиру проложенного маршрута. Жизнерадостно подмигивали разноцветные лампочки, докладывая о состоянии приборов корабля.

В общем, все, как и должно быть.

Я расслабленно откинулась на спинку кресла.

Чем бы еще заняться?

Я снова окинула взглядом приборы.

Для большей уверенности запустила сканирование.

– Уфф. Все в порядке...

– Ты уверена? – беззвучно открывшаяся дверь рубки впустила моего сменщика – Джорджа Петерса.

Надо же. Так и окончилось мое первое дежурство...

Запись 2

Прошло уже несколько условных суток после прохождения лунной орбиты. Небольшим серебристым диском проплыла она на Экранах Наружного Наблюдения (ЭНН). Удивительное дело, сколько раз мы смотрели на этот естественный (хотя, насколько он естественен?) спутник нашей родной планеты, а все никак не получалось привыкнуть к ее мертвенно бледному пятну.

На самой Луне побывать так и не удалось. За все время обучения на ВНК в программу не входило посещение древнего спутника. На МКСе мы практиковались, но никак не на Луне. И вот сейчас мы снова пролетаем вдалеке. Жаль, но по плану нам даже не удалось и приблизиться.

А теперь нас окружал практически бесконечный пустой Космос. Впрочем, почему именно БЕСКОНЕЧНЫЙ? Это ж все-таки, так называемый ВНУТРЕННИЙ, Космос (во всяком случае, именно так его постоянно называл Инвар). А вот то, что ПУСТОЙ – так это почти без всякого преувеличения. Даже до орбиты Марса никак не меньше нескольких месяцев, а уж что говорить о конечной цели нашего путешествия.

Нам туда лететь еще годы и годы.

А вслед за нами устремилась в Космос и «Ариадна» с группой Бета. Где-то там, условно позади, и моя дорогая подруга Жанна, и Велниньш. Вот бы связаться с ними.

Я покосилась на непосредственного руководителя моей так называемой практики – Людмилу Азарову. Людмила, еще до ВНК сподобилась получить научную степень по биологии. А сейчас она конкретно занималась выращиванием собственных овощей в оранжерее «Андромахи». Не помню, писала я или нет, но оранжерея со временем должна была стать практически главным источником продуктов питания. Даже мясо планировалось синтезировать искусственно. Насколько я знаю, остальные экипажи получили точно такое же задание на исследование. Во всяком случае, и Жанна упоминала нечто подобное.

А на самом деле, не удивительно ли, что во всех группах практиканты направлены на усиление именно биологической части команды.

Вот и сейчас Людмила самозабвенно возится с землей и саженцами.

Кстати, большинство якобы однолетних растений на самом деле является многолетними. Взять, к примеру, те же огурцы или помидоры. В обычных условиях короткого лета они к осени быстро переходят в стадию увядания. На борту корабля все должно происходить по-другому. По крайней мере, так предполагалось...

Негромко шуршала пересыпаемая под совком земля. Оглянувшись я увидела знакомую по старинным бабушкиным фотографиям картину. Кажется, примерно так выглядели жители старой России на своих так называемых дачных участках. Помнится, но уже в далеко преклонном возрасте дядюшка-дед постоянно собирался зачем-то ездить на дачу, даже перебравшись в отдаленный регион. Хотя, что там была за дача? Так, неизвестно что, но все-таки...

И сейчас все совсем как на Земле. Хорошо еще, что мы не успели еще организовать свою образную космическую оранжерею. Туда уж точно без скафандров высшей защиты не сунуться.

О проводимых мной и Людмилой опытах писать можно много и долго. Но подробней прочитать о них лучше в лабораторных журналах. К историографии же экспедиции, к моему дневнику, они не имеют никакого отношения. Не думаю, что какие-то формулы и эксперименты заинтересуют возможных читателей-неспециалистов. Насколько я понимаю, именно о них и думала Осипова, когда давала мне это задание.

– Анна Семеновна, не крутись понапрасну, – проговорила Азарова неожиданно резко.

И как только увидела? Ведь она совсем и не смотрела в мою сторону. И, как обычно, назвала меня достаточно официально. Врача же нашего, тоже Анну, Азарова, величает Анюсиком. Вроде как они – близкие подруги. А как меня называла Жанна? Нет, не вспомню.

– Не терпится, – виновато проговорила я, прерывая несколько затянувшееся молчание, – вроде как нам пора на связь с «Ариадной» выходить...

Азарова, выпрямившись, искоса взглянула на меня.

– А тебе что до этого? – она изумленно изогнула бровь.

Никак не могу ее называть просто Людмилой.

Как она не понимает. Вроде бы, молодая еще – только лишь на пару лет старше. Зато держит себя с видом крайнего превосходства. Конечно, она уже выпускник, а я всего-навсего практикант. Хотя, время полета автоматически засчитается за последний курс, несколько растянутый во времени последний курс. Но золотые нашивки выпускника уже практически располагаются на моей руке. Может, еще и двцветный знак классности получится заслужить.

Впрочем, что это я? Разве об этом нужно сейчас думать?

Меня все же ждут и мои собственные опыты. А ведь есть еще и навязанная научная тема...

Робкие бледные иголочки только-только проклюнувшихся ростков будущих продуктов усыпали почву оранжереи. Еще немного, и молодая поросль потянется вверх, наполняя помещения Большого кольца запахом живой природы.

Неподалеку прожужжала отодвигаемая дверь лаборатории. Послышалось характерное бульканье в кипящих растворах.

Ага, это все-таки более интересно, чем в земле ковыряться.

Разогнула я усталую спину, вытирая лоб запястьем. Благо, что «земельные» работы на данный период вроде бы закончились. Запачканная в земле перчатка мазнула по щеке. Жаль, поблизости нет зеркала. Не видно сильно ли я изгвадалась, как говорила все та же бабушка. Только и оставалось, что отряхнуть руки и последовать за Азаровой.

– Как там идет синтез? – неожиданно спросила она.

Что я могла ей ответить? Сама ж только-только вошла.

Как я смогла оставить текущий в лаборатории процесс, променяв его на возню с грядками?

А что тут такого?

Аппаратура в лаборатории такая, что в любом экстренном случае информация в первую очередь поступит ко мне.

– Сейчас посмотрю, – я постаралась ответить как можно более покладисто.

Использованные перчатки упали в камеру мусороприемника. Раньше я назвала бы это недопустимым расточительством, но сейчас... Весь мусор, скапливающийся в емкостях утилизатора, перерабатывался в единую массу. И впоследствии довольно легко было бы синтезировать все те же перчатки. И даже придать им какие-то новые свойства.

Опустив лицо в маску очистителя, я включила режим омоложения. Хорошая эта штука – очиститель. Изобретение нашей Анны Лузиной. Кто бы когда мог подумать, что обычный выпускник ВНК – врач экспедиции, способен на подобный шедевр косметологической техники. Вот только представьте себе: аппарат этот и очищает, и смягчает, и... много чего еще делает. Причем, он сам выбирать наиболее подходящую вам процедуру при выборе определенного режима. Хотя, если говорить искренне, аппарат очистителя не может считаться полным изобретением Лузиной, как бы хорошо я к ней не относилась, но она, скорее, не изобрела очиститель, а как бы лишь усовершенствовала то, что было раньше. Можно ли с чистой совестью назвать это изобретением?

Ладно, сейчас не об этом...

Быстренько привела себя в порядок. Мой, тщательно заставленный различным биохимическим оборудованием в определенном порядке, стол терпеливо меня дожидался. Про-

крутились колесики кресла. Слегка амортизировало сиденье, принимая, хоть и небольшой, вес моего тела. Я наклонился над лопающимися в реторте пузырями раствора. Очки моментально запотели. Пришлось их снимать и протирать. Как же несправедливо выглядит проблема с очками во время современных технологий. Ведь даже все пробирки, реторты, колбы и разное прочее оборудование изготавливается теперь не из хрупкого стекла, а из особого высокопрочного пластика.

Перещелкнув несколькими тумблерами, я продолжила длительный медленно текущий эксперимент. Опять же не вижу ни малейшей причины, чтобы подробно описывать проводимые процессы. Скажу только, что в конечном итоге мы с Азаровой должны синтезировать удобоваримые продукты питания.

– Ну, что там у тебя? – снова спросила Людмила Азарова.

– Сейчас, сейчас, – машинально ответила я, бегая пальцами по клавиатуре оборудования.

Тоже какое-то несоответствие. Предполагалось, что в кораблях типа СДП будет использоваться самое передовое оборудование. Например, голосовое или мысленное управление лабораторными компьютерами. Андрэ торжественно всех уверял в этом. Но... как часто бывает в жизни... современные компьютеры поставили лишь в Рубку Управления, а вся остальная электроника почему-то осталась старого типа.

Почему бы это?

Джордж как-то в самом начале полета пытался объяснить, но он оказался для меня недостаточно убедителен. Говорил что-то о мелкой моторике, о сохранении навыков...

Может, этому обучают уже на последнем курсе? А мне так совершенно ничего не понятно. Впрочем, я и не специалист в компьютерной технике. Или же я просто такая бестолковая?

– Все! – я удовлетворенно откинулась на спинку кресла, – Теперь остается только около суток ждать результат.

– Хорошо, – голос Людмилы неожиданно потеплел, – на сегодня можешь быть свободной, – она добавила, усмехнувшись, – займись своим Облаком Оорта.

– Не моим, – еле слышно, чтоб Азарова не услышала, буркнула я, – а Велниньша.

Каюта встретила меня установленной условным утром прохладой. Заговорщически подмигнул зеленый глазом встроенный компьютер. Несколько движений, и на мониторе засиял серебристый шар Облака Оорта.

Что тут можно еще исследовать? Для этого нужно как-то выбраться за пределы Облака. Тогда все и станет ясно. Но ведь наша «Андромаха» совсем не предназначена для этого.

Неожиданно завибрировал браслет внутренней связи.

– Агарок? – невольно воскликнула я, взглядываясь в крохотный экранчик.

– «Ариадна» вышла на связь, – радостно сообщил наш специалист по связи, – они успешно стартовали! Следующим, еще через неделю, должен выйти к Ио экипаж Гаммы на «Антигоне»... А там и Дельта на подходе.

Что-то слишком уж разговорился Агарок...

Запись 3

На экране снова сверкал далеко не пустой разноцветный Космос. «Андромаха» продвигалась вперед, к далекой цели экспедиции.

Наступила очередная вахта. Перемигивались между собой огоньки приборов Рубки Управления. Полет протекал в автоматическом режиме.

Внезапно мне захотелось просто прокрутиться на кресле. В любое другое время я бы, наверное, и не решилась на подобное ребячество, но тут... Украдкой оглядевшись по сторонам: вдруг Джордж меня застучает, как в конце первой вахты, я оттолкнулась... Многочисленные огоньки, как в Рубке, так и на ЭНН слились в неровные мерцающие линии.

Ух! Здорово!

Воровато оглянувшись, я повторила эксперимент.

Стоп! Хватит!

Я остановила раскрутившееся кресло. На столешнице под пультом управления ЭНН мне вдруг показалось нечто не совсем соответствующее обстановке. Цилиндрик библиотеки для личного пользования, подключенный к компьютеру Управления. Надо же – Вайс Миллер во время вахты занимался чем-то посторонним, и до того увлекся, что даже забыл отключить свой прибор.

Интересно, чем это он таким занимался. Вот бы проверить.

Хотя, нет. Нехорошо лезть в чужие дела. Не стану я это смотреть. Я решительно отвернулась к ЭНН.

Но меня продолжало раздирать любопытство.

– Я только чуть-чуть, – уговаривала я сама себя, – Немного посмотрю...

С характерным шипением включился монитор.

Оп-па! Как это я забыл о современной электронике, управляемой просто голосом.

На экране крутился шар неизвестной планеты...

Может выключить?

Почему же я не стала произносить этого вслух? Боялась, что отключится?

Взгляд мой словно сам собой обратился к часам. Надо же, а с начала вахты прошло всего чуть больше полутора часов. Я думала, что сейчас гораздо больше времени. Странно, но до этой вахты время летело стремительней. Теперь же все словно подталкивала меня внимательней всмотреться в материалы Миллера.

Нет, только не здесь.

Я со страхом оглянулась на дверь. Вдруг кто-нибудь да заглянет. Хотя, кого я пытаюсь обмануть? Я боялась именно Вайса. Вот он придет и заберет свои материалы. А мне так хотелось ознакомиться с ними более внимательно. Вдруг да найдется хоть что-нибудь, подходящее к навязанной мне научной теме. Впрочем, я не знаю, можно ли ее в прямом смысле считать научной. При первом же особенно пристальном прочтении тема эта показалась мне просто нелепостью. Конечно, гипотеза эта совершенно не стыкуется с общепринятой теорией такой науки как астрономия.

Я снова украдкой оглянулась на вход. Рука моя вытащила из кармана мой собственный цилиндрик библиотеки. Еле заметное движение соединило цилиндрики в единое целое.

Жаль, но для карманной библиотеки не разработана еще программа, позволяющая управлять ей на расстоянии. Пришлось заняться копированием, что называется, вручную. Мне некогда было выбирать. Поэтому скачала все.

Как же горели уши.

Хорошо еще, что никто не видел.

А как теперь мне самой-то быть?

В сомнении я крутила в пальцах цилиндр, усыпанный разноцветными клавишами.

Стереть! Немедленно стереть! Рука дернулась было к переключателю.

Но зачем же я все-таки скопировала информацию Миллера?

Что-то шевельнулось у меня за спиной. Я испуганно оглянулась – мало ли, что может быть. В открывшихся с еле слышным шелестом дверях показался Джордж.

– Привет, практикантка! Можешь уже отдыхать...

Я украдкой взглянула на часы. Да, что такое, в самом деле? Надо же, мое дежурство благополучно завершилось.

– Как дела? – проговорил Джордж, усаживаясь в соседнее кресло, – мне тут Вайс сообщил, что он в рубке нечто оставил.

– Оставил, – непроизвольно я тяжело вздохнула, протягивая Петерсу карманную библиотеку Миллера.

Джордж, как мне показалось подозрительно, посмотрел мне в глаза. В первый раз я смогла различить глаза нашего капитана. Они оказались на удивление темно-карими. Почему-то до этого момента я считала, что цвет глаз Джорджа серо-стальной.

Вот бы понять, почему? Уж не потому ли, что он – наш командир?

– Уже посмотрела? – с преувеличенной заинтересованностью спросил Петерс.

Я почувствовала, как уши мои ярко запылали. Хоть печь затапливай, как говаривал дедушка.

Хорошо, хоть под волосами не видно.

– Конечно, нет, – поспешно ответила я.

В принципе, я и не соврала. Ведь я и в самом деле еще не видела материалы Миллера в полном объеме. Хотя, моей заслуги в этом как бы и нет. Я просто не успела бы. Но, в то же время я собиралась ознакомиться с ними поздней, в каюте.

– Держи, – словно подслушав мои мысли, Джордж вложил мне в ладонь цилиндр библиотеки, – потом рассмотришь...

В каюте я сразу же подключила библиотеку Вайса к персональному компьютеру. Пол экрану монитора снова поплыл шар планеты.

– Хм! Интересно...

Я перевела изображение в режим голограммы. Благо, конструкция цилиндра это позволяла.

Над медленно вращающейся в пространстве проекцией планеты проплывали редкие облака, временами перекрывая планетный рельеф. Рядом разворачивалось нечто вроде планетной системы. По круговым орбитам катилось несколько планетных шариков.

Что бы это могло значить?

Снизу голограммы стремительно побежали светящиеся буквы и цифры:

Масса (M \oplus) – 8,3;

Радиус (R \oplus) – ...;

Период обращения (дней) – 216,4;

Большая полуось орбиты (а.е.) – 0,7;

Эксцентриситет орбиты – 0,4;

Эффективная земная орбита (а.е.) – 0,6;

Температура поверхности (°C) – 11;

Расстояние до Земли (св. лет) – 61,5;

Тип звезды – K8,3V...

В значение циферок я особенно не всматривалась. И так все становилось предельно ясно. Стандартные параметры какой-то планеты. Рука потянулась к очередной клавише.

Шар планеты на голограмме слегка дернулся, разворачиваясь в карту полушарий. Ярко вспыхнуло непонятное кодовое название.

И это все? Не может быть.

Под пальцем закрутилось колесико прокрутки.

Передо мной появилась следующая голограмма. На этот раз планета оказалась значительно больше, да еще и с несколькими спутниками...

Снова крутнулось колесико.

Еще одна планета...

Еще...

И еще...

Да тут у него целая коллекция. Надо же – еще один коллекционер. Велниньш собирал фантастику. Ну так ведь он электронщик. Кому, как не ему этим интересоваться. А Вайс Миллер как-никак планетолог. Вот и увлечение ему под стать. Только вот где они, все эти планеты?

Завибрировал вызов браслета.

– Ну, что просмотрела, – голос Джорджа показался мне невероятно жизнерадостным.

– Посмотрела, конечно, – в тон ему отозвалась я.

– Ну и как?

Интересно, что он имел в виду? Как я отношусь к коллекции незнакомых планет? А может они, как и у Велниньша – фантастические. Что-то не замечалось между ними большой дружбы, а склонности почти одинаковые.

– Это фантастика? – осторожно спросила я, – Вот эти планеты?

– Да, нет, – проговорил Петерс, – это все так называемые экзопланеты.

Экзопланеты? Помнится, нам говорили о них на лекциях по космографии. К моменту старта нашей экспедиции таких псевдопригодных для жизни планет уже насчитывалось тысячи.

– Там, в конце еще и огромное количество расчетов.

– Расчетов? Неужели он планирует и туда добраться?

– Ну, а ты как думала? – в словах Петерса послышались мечтательные нотки, – Вот вернемся с Каллисто...

Внезапно я представила выражение лица Джорджа. Явно восторженное...

– И начнем планировать более дальние перелеты, – закончил мысль Петерс...

Запись 4

Весь следующий день я находилась под впечатлением от коллекции Вайса. Мысли мои находились достаточно далеко. Всей душой я стремилась к ЭНН. Появилось плохо преодолимое желание подсоединить один из телескопов Наружного Наблюдения к бортовому компьютеру. Может тогда удастся проанализировать планетарные данные Миллера. Именно в этот момент я вдруг пожалела, что не выбрала планетологию или космологию своей специализацией. Коллекция Вайса чем-то определенно меня зацепила. Мало того, но ведь и, можно сказать, навязанная мне научная тема Велниньша об Облаке Оорта в чем-то перекликается с интересами нашего планетолога.

Конечно, работа в лаборатории и оранжерее продолжалась своим чередом. Под чутким руководством Азаровой все эксперименты медленно, но верно продвигались к логическому завершению. Быстрых результатов все равно не добиться. Дай Бог, если к концу путешествия удастся получить желаемый результат. Но ничего не поделаешь, не лететь, же несколько лет сложа руки.

Вот и приходилось мне выполнять некоторые виды ежедневных работ, что называется чисто автоматически. Ну, например, отслеживать прорастание семян и рост проклюнувшихся всходов в многочисленных, установленных вдоль всего Большого кольца, специальных ящиках оранжереи.

Нет, все-таки я не променяю свою биологию ни на что другое. Это точно.

Разве можно с чем-то сравнить радость от постепенно разворачивающихся нежных, будто восковых, листочков новых растений. А они ведь такие разные. Есть бледно-зеленые. Есть, наоборот крайне темные. А у некоторых растений молодые листочки вообще розоватые.

Азарова уверена, что еще на подлете к Марсу, вернее марсианской орбите, мы сможем получить первый урожай. Что ж, вполне возможно. Времени будет предостаточно. Почти год по времени «Андромахи». Всяко должно вырасти...

Впрочем, все равно не совсем понимаю необходимость присутствия в экспедиции биолога. Неужто, лишь для того, чтобы за какие-то несколько лет вырастить пару-другую космических урожаев? Или кто-то всерьез рассчитывает найти на спутниках Юпитера биологическую жизнь. Вот бы спросить у Инвара. Что об этом писали в древней фантастике. Может, подойти с этим к нашему Агарку? Он у Велниньша бы спросил...

Характерно, что работа наша построена особенным образом. Так как в течение суток каждому приходилось три часа корабельного времени отдавать вахте, остальное рабочее время планировалось с учетом этого обстоятельства. Таким образом, все это никак не укладывается в традиционный трудовой график. Получается, что всем членам экипажа приходилось трудиться практически в разное время. Но, в целом, у каждого рабочий день длился около семи-восьми часов. За вычетом обязательного восьмичасового сна оставалось примерно столько же на свободное время. Именно этот отрезок и планировалось использовать для занятия научной работой, не включенной в общий регламент.

Я уединилась в каюте. Я вывела на монитор одну из планет коллекции Миллера. [HD 40307 g](#) Бледный шар завис посреди экрана.

[HD 40307 g](#)

Масса (M_{\oplus}) – 7.1;

Радиус (R_{\oplus}) – ...;

Период обращения (дней) – 197,8;

Большая полуось орбиты (а.е.) – 0,6;
Эксцентриситет орбиты – 0,22
Эффективная земная орбита (а.е.) – 0,48;
Температура поверхности (°С) – -19,99;
Расстояние до Земли (св. лет) – 41,8;
Тип звезды – K2,5V...

Этого явно мало для анализа. Пришлось сдвинуть планету [HD 40307 gw](#) угол.
Защелкали клавиши компьютера.

Рядом с изображением планеты появился огромный шар Облака Оорта. Пальцы снова забегали по клавиатуре. По экрану поплыли многочисленные цифирки и буквы программы...

...Компьютер отключился. Сверкнув яркой звездочкой на экране, погас монитор.
Бесшумно выдвинулась койка. Я блаженно вытянулась на простынке...

...Перед глазами простиралась абсолютная тьма. Внезапно по черной непонятной поверхности пробежала светлая изломанная черта. По ушам ударил неожиданно громкий пронзительный хруст. Вверху словно отвалился зазубренный кусок. Во всяком случае, именно такой формы светлая заплатка появилась над головой. Я осторожно высунула голову в открывшееся отверстие. Перед глазами виднелись гладкие, словно полированные коричневые колонные стволы. Над ними медленно покачивались широкие пальмовые листья странного лилового цвета. В редких просветах между ними виднелись светло-золотистые небеса.

В уши хлынул поток разнообразных звуков.

Я двинула руками. Снова раздался хруст. На э тот раз не такой уж и громкий.

Что там такое?

Опущенный взгляд не увидел обычных рук. Вместо них на глаза попало нечто, напоминающее скрюченные птичьи лапы, цепляющиеся за скорлупу огромного яйца.

Что бы это могло значить?

Я попыталась что-то сказать. Но вместо слов изо рта вырвалось что-то вроде клякота.

– Ифрюрбаз! – прозвучал незнакомый голос.

Слово показалось мне совершенно незнакомым. Что это за язык?

Я повернула голову в направлении звука. Взгляд мой встретился с темными глазами смуглолицей женщины, сидевшей неподалеку на пестрой шкуре. От расставленных на шкуре расписных чашек распространялся аромат незнакомой пищи.

– Ифрюрбаз! – снова воскликнула женщина, явно кого-то подзывая, – Опл обтизыгдяф ефшадек!

Заросли густой травы за спиной женщины раздвинулись. Из чащи вышел статный человек в блестящих одеждах – нет, в доспехах....

...Откуда все это?

Тряхнув головой, я села на смятой постели. Я вроде бы и не спала совсем. Но это же явно был сон. А может что-то другое?

Глюки?

Что-то подобное я слышала о космонавтов начала космической эры. На лекциях по Истории Космонавтики, помнится, Оксана Николаевна нам рассказывала о видениях первых космонавтов. Кстати, именно она преподавала у нас не только космографию, но и собственно Историю Освоения Космического Пространства. Один из советских космонавтов явно слышал

абсолютно незнакомую музыку, явно неземного происхождения. Другой смог в мельчайших подробностях разглядеть с околоземной орбиты свой собственный дом. Другой рассказывал:

«Во время полёта при сближении с орбитальной станцией управлявший кораблём командир никак не мог выйти на расчётную траекторию, чтобы произвести стыковку. Запас энергоносителя для манёвров у корабля ограничен. Его оставалось, как говорится, всего ничего. Если бы ещё одна коррекция не удалась, мы пролетели бы мимо станции и вернулись бы на Землю, не выполнив задания.»

Помочь я ничем не мог, поскольку управление кораблём является исключительной прерогативой командира. Вдруг в какой-то момент в голове у меня раздалась команда: «Возьми управление на себя!» Позднее, анализируя случившееся, я так и не смог точно определить, был ли это чей-то голос или нет. Просто я воспринял чужой мысленный приказ, не выполнить который почему-то не мог. И что совсем уж удивительно: командир, не возражая, передал мне управление кораблём. Потом он сказал, что никаких команд не слышал, а только вдруг осознал, что должен вести себя именно так, хотя это шло вразрез со всеми «железными» инструкциями.

Сознания я не терял, но находился словно бы в каком-то трансе и послушно выполнял команды, возникавшие в моей голове. Только благодаря им стыковка была успешно произведена».

Еще один космонавт превращался в животное и при этом перемещался в соответствующую окружающую среду. В дальнейшем он ощущал себя уже в преобразованном виде. Например, пребывание его, что называется, в шкуре динозавра. *Он чувствовал себя животным, перемещающимся по поверхности неведомой планеты, перешагивающим через овраги, пропасти, какие-то физические преграды. Слияние его с биологической сущностью древнего ящера было настолько полным, что все ощущения воспринимались им как его собственные. Кожей спины он чувствовал, как вздыбливаются роговые пластины на хребте. О пронзительном крике, вырвавшемся из пасти, он мог сказать: «Это был мой крик...»*

Один из космонавтов вёл личные дневниковые записи, в которых описываются и его видения. Казалось бы, уникальный документ! Тем не менее, на предложения и просьбы опубликовать его или хотя бы пообщаться с учёными, занятыми проблемами живого вещества, космонавт ответил категорическим отказом, полагая, что это ещё преждевременно.

Так вот, и мои глюки почти в точности воспроизводили нечто подобное. Я выглядела словно ящер, только-только вылупившийся из яйца. Вот только при чем тут какие-то люди. Ведь не могут же он существовать одновременно...

Я тщательно умылась, отгоняя от себя остатки непонятого видения.

Непонятого еще и по такой простой причине, что все эти случаи происходили вблизи планеты. Ведь космонавты тогда еще не удалялись дальше Луны. Была, правда, некоторое время назад экспедиция на Марс. Программы «Арес» тогда еще даже в проекте не существовало. Та древняя экспедиция окончилась неудачей. Корабль на подлете к Марсу столкнулся с астероидом и взорвался. Видели ли участники той экспедиции что-то особенное – неизвестно. Никакой информации об этом обнаружить так и не удалось.

Мы же успешно миновали околоземную орбиту – и ничего. Может, это из-за того, что мы стартовали все-таки с МКС и пронзили пузырь ноосферы, практически его не заметив.

Интересно, а на «Ариадне» такие видения тоже наблюдали? Они-то как раз сейчас всего лишь подлетают к Луне. Может, хоть они-то зацепят. Потом можно будет поделиться с ними впечатлениями...

Запись 5

Мы уже значительно отделились и от Земли, и от Луны. И теперь находились почти на полпути к Марсу. Но впереди по-прежнему еще месяцы полета. И это только до орбиты красной планеты. А потом еще годы и годы...

Сегодня Оксана Николаевна объявила общий выходной. В кое-то время мы почти все собрались в кают-компанию. Разве только вахтенный оставался в РУ.

Странная, вообще-то, традиция – называть части космического корабля морскими терминами. Впрочем, я и сама-то назвала нашу «Андромаху» кораблем.

Так что, как любила приговаривать бабушка: «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива...»

Агарок вывел на мониторы кают-компания все данные с ЭНН.

Вот только, почему он не мог этого сделать раньше? Может и проблем бы с вахтами не стало. Несли бы вахту прямо тут. Хотя, впрочем, что уж такого особенного – три часа в сутки контролировать движение корабля, сверяясь с показаниями приборов?..

Главное, что от остальных плановых работ мы в этот день оказались освобождены.

Освобождены?

Но, то один, то другой участник экспедиции срывался с места, чтобы что-то проверить или исправить в проводимых опытах.

Зато Вайс всю работу притащил прямо в кают-компанию. Он рассыпал по столу целую кипу табличек с планетами. Я никак не ожидала, что он окажется таким старомодным, особенно если учитывать его основную специализацию. Я осторожно протянула руку к ближайшей табличке. Какого же было мое удивление, когда вместо коллекции Миллера на пластинке мелькнуло изображение конечной цели нашей экспедиции – Каллисто. Надо же!

Тут же появилась и Азарова с цветочными горшками. И откуда она только их приволокла? Уж не из своей ли каюты?

Тут мне на память пришла бабушка Велниньша с ее тропическим уголком. Инвар как-томежду прочим рассказывал о нем. Когда-то я и сама мечтала вырастить в квартире подобный сад. Я даже название придумала. Не тропически уголок, а джунгли. Или, нет – когда-то младший брат Мишка говорил ДЖУНГЛЯ...

Людмила занялась цветами. Глядишь, к концу путешествия у нас тут будет цветочный рай. Точно – ДЖУНГЛЯ!

Это может оказаться вполне подходящей темой для живописи. И впрямь, стоит мне наконец-то и рисованием заняться?

Я быстренько метнулась к себе в каюту. Прихватив холст, краски, палитру я вернулась в кают-компанию. При виде моего снаряжения губы Андрэ искривились.

– Сейчас всю кают-компанию провоняет.– процедил он сквозь зубы.

Что тут возразить? Разве только то, что современная технология изготовления красок давно уже привела к отсутствию запахов. Впрочем, сейчас можно даже заказывать любой аромат для красок...

– Ты, что, с ума спрыгнул? – неожиданно встал на мою защиту не кто-нибудь, а наш капитан – Джордж.– эти краски совершенно не пахнут...

Спасибо ему, конечно, но с какой бы стати?

– Ну, ну, – еле слышно пробурчал Андрэ, спрятавшись за страницами книги, – увидим...

...Так вот только что бы изобразить? Может мое недавнее видение...

Итак, в чем же именно оно заключалось?

Я во всех красках и оттенках представила замысловатый, явно не земной, пейзаж. Перед глазами снова колыхались лиловые пальмовые листья на гладких, словно полированных стволах. В глубоком золотистом небе порхали невидимые птицы, оглашавшие окрестности замысловатым пением, не похожим ни на что земное.

Интересно, а как я сама-то выглядела со стороны? Я ж себя никак не могла видеть.

– Вот, послушайте, – снова заговорил Джордж, – я тут в память о Земле стишок накропал:

Снова дождь барабанит по улице.
По дорожкам бегут ручейки.
И кусты почернело нахохлившись
Так и ждут наступленья зимы.

Там тепло им под шубами белыми,
Сладкий сон, тишина и уют.
А сейчас лишь качают задумчиво,
Слезы горькие с веточек льют.

Облетели багряные листья,
Словно тяжесть свалилась с рук,
Но тяжелые спелые грозди
Распрямиться ветвям не дают.

Вот собрать бы последние ягоды
И стряхнуть напряжение с плеч...
Дорогие мои растения,
Хорошо, что на свете вы есть...

Выступление Джорджа присутствующие встретили унылым молчанием. Я, конечно, понимаю, что стихи Петерса оказались достаточно простенькими. В принципе, наверное, этого следовало ожидать. По общему представлению, наш капитан все-таки типичный технарь. Хотя, положа руку на сердце, строки получились образными. Я прямо-таки ярко представила эти поникшие под дождем ветви.

– Ну, как? – несколько напряженно спросил Джордж.

Но именно в этот самый момент прозвучал условный сигнал. Пора идти вахту нести. К сожалению, снова наступила моя очередь.

Я, тяжело вздохнув, посмотрела на подготовленный холст.

– Оставь.– посоветовала Азарова. А я думала, что Людмила не обращала на меня внимания, – вернешься – продолжишь.

Я медленно поплелась менять нашу вторую Анну – Лузину...

– —

Передо мной переливался всевозможными оттенками Космос. Равнодушно покачивались стрелки. Хаотично подмигивали огоньки цифр. Полет протекал в плановом режиме.

Жаль, что я так и не узнаю мнение спутников о стихах Джорджа. Лично у меня отношение к ним, как я уже писала выше, довольно неоднозначное.

Полузвон-полускрежет внезапно наполнил небольшое помещение Рубки.

Я ошарашено огляделась.

Что бы это могло быть? Какой-то сбой в механизмах корабля?

Мое богатое воображение тут же нарисовало яркую картину крушения «Андромахи»...

В черную бездну сыплются переборки. Неведомые силы выворачивают наизнанку корпус. Великолепный космический корабль постепенно превращается в облако сверкающих обломков. Они ударяются друг о друга. Раскалываются дальше. Космический вакуум вытягивает тела людей. Ледяные статуи хаотично перемещаются внутри облака обломков...

Снова послышались незнакомые звуки. Я раздраженно поднялась с кресла, озабоченно крутя головой.

– Чего ищешь? – странные звуки оформились во вполне понятные слова.

– Ты где? – решила я задать вопрос.

– Здесь.– давешние первоначальные звуки превратились в нечто, напоминающее отрывистый металлический лай.

– Ты кто?

Снова металлический лай.

– Хватит тут лаять! – возмущенно сказала я.

– Это не лай, – в металлическом голосе моего невидимого собеседника совершенно неожиданно для меня почудились нотки смущения.

– Ты не ответил...

– Посмотри внимательней.

Сам собой включился экран бортового компьютера. По нему поплыли слегка мерцающие буквы:

ПРИВЕТ, АННА СЕМЕНОВНА!

– Это ты что ли со мной разговариваешь? – обратилась я к монитору.

Вопрос этот даже мне самой показался просто напросто диким.

По рубке снова прокатились звуки, первоначально принятые мной за лай. Теперь я вдруг решила, что это СМЕХ! Такое вот неожиданное предположение.

– Да, это я, Анна Семеновна, – отсмеявшись, произнес металлический голос компьютера.

– Называй меня... – на мгновение я замешкалась. Какое же имя для себя придумать? – называй меня Анютка.

Компьютер опять закатился своим своеобразным смехом.

– Анютка, так Анютка...

Надпись на экране погасла.

– Может подключить обзор кают-компании?

На мгновение я подумала, что было бы совсем неплохо. Хоть послушаю обсуждение стихов Петерса. Но тут же одернула себя: «Это же будет явный шпионаж».

– Нет, не стоит, – замедленно ответила я.– покажи лучше окружающий Космос...

Запись 6

Нагруженная красками, и волоча начатую картину, я устало ввалилась в каюту.

– Привет, Анютка! – раздался скрипучий голос от МОЕГО личного компьютера.

От неожиданности я чуть было не уронила холст. Краски же просто посыпались на пол. Хорошо еще, что крышки оказались завернутыми. Представляю, какая бы палитра образовалась бы на полу, если бы я по давней, еще земной, привычке несла краски открытыми. Знакомый уже металлический скрипучий смех наполнил каюту.

– Анютка, а чего ты молчишь? – в его словах мне почему-то явственно послышалось недоумение, – мы же вроде с тобой уже подружились.

– Но, откуда?

– Что значит, откуда? – переспросил компьютер.

Не знаю, почему, но в голосе его мне послышались сварливые нотки.

– Откуда ты тут взялся? – пояснила я, – ты же вроде находишься в Рубке Управления.

– Что значит, взялся? – обиделся он, – я – бортовой компьютер. Я обязан и здесь находиться.

Я кое-как распихала принесенное. Кресло перед мониторов бережно приняло меня. Взгляд сосредоточенно уставился на пустой экран. Голос звучал откуда-то из недр машины.

– А что ж ты здесь раньше со мной не говорил?

– Здесь?

– Ну, да. Здесь, в моей каюте.

Тревожно запульсировала лампочка включения компьютера. Действительно, я ж еще его не включила. Как же он тогда со мной говорил?

Словно услышав мои мысли, он произнес замедленно:

– Включи питание, а то трудно разговаривать, когда собеседника не видишь.

Клавиша включения мягко опустилась под пальцем. Ярko осветился экран монитора. Заговорщически подмигнула встроенная камера.

– Уф, хорошо, – показалось мне или на самом деле, но в голосе компьютера прозвучало неожиданное облегчение, впрочем, и сам голос стал более чистым, что ли, – Спасибо, Анютка. Теперь сможем поговорить.

– С остальными ты тоже разговаривал?

– Нет, только с тобой...

Вот интересно, чем это могло быть вызвано? Или все остальные в чем-то отличаются?

– Ты одна можешь слушать... А может и тебе лучше на экране?

На экране? Это, как тот привет в Рубке Управления?

ИМЕННО ТАК – по экрану побежали ровные строки.

– Как тебе удается слышать мои мысли?

САМ НЕ ЗНАЮ, НО В ТОТ МОМЕНТ, КОГДА... ТЕБЯ ПОСЕТИЛИ ВИДЕНИЯ, ЧТО-ТО СДВИНУЛОСЬ И В МОИХ СХЕМАХ...

Странно, и все равно я не поняла, причем тут я. ОСОБОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ! – А остальные? ОСТАЛЬНЫЕ, ВИДИМО, К НЕМУ НЕВОСПРИИМЧИВЫ

По ушам резанул сигнал тревоги.

– Срочно всем собраться в кают-компанию! – прогремел приказ Оксаны Николаевны.

– Что там опять стряслось? – вскрикнула я, поднимаясь, – что называется, среди ночи!

Уже шагнув к выходу, я обернулась к компьютеру:

– Я тебе все расскажу. – пообещала я.

На этот раз смех машины прозвучал мелодичными колокольчиками.

– Я сам там буду, – звучным приятным голосом пообещал компьютер.

Надо же... совершенствуется...

– Кстати, а как тебя называть? – внезапно спохватилась я.

– Я подумаю...

Первое, что бросилось мне в глаза при входе в кают-компанию, это невероятно взволнованный вид, обычно невозмутимого Агарка.

– Рассказывай, – строго проговорила Осипова.

Наш специалист по связи пригладил растрепанные волосы. Интересно, что его могло поднять с постели?

– «Ариадна» вышла на связь, – взволнованно проговорил он.

Вроде бы, что тут такого особенного. Вышла и вышла. Достаточно рядовое событие.

– Говори дальше.– раздраженно произнес Андрэ, широко, с подвыванием зевая, – а то разбудил. А мне на вахту скоро...

– Они видели инопланетный корабль...

У меня перехватило дыхание. Вот это да! Инопланетный корабль? Жаль, что Джордж сейчас на вахте. Он давно мечтал о встрече с инопланетянами...

– Полная чушь, – презрительно отозвался Андрэ.– это невозможно...

– У меня есть запись разговора с Велниньшем, – поспешно затараторил Агарок, –Я после сна еще ничего не соображал. Но, зато все успел записать.

– Давай свою запись, – тяжело вздохнула Оксана Николаевна.

=====

– Привет, Агарон, – прозвучал голос Инвара

– Чего тебе?

– Спал что ли, – подозрительно спросил Инвар.

– Вообще-то, по корабельному времени у нас уже ночь, – в голосе Агарка явно чувствовалось раздражение.

– У вас там видно внеземной объект? – теперь в словах Велниньша звучала неподдельная тревога.

– Чего? – Агарок выразил явное недоумение. Послышалось еле слышное бормотание, – какой там еще объект?

=====

– Ты уверен, что они действительно видели инопланетян? – не удержалась я от вопроса, заслужив неодобрительный взгляд Оксаны Николаевны.

– Оксана Николаевна, – протянул Андрэ.– неужто, Вы верите во всю эту чушь? Это ж просто ни в какие рамки...

– Охолопись, – прервал его Вайс, – А вдруг правда...

– Вот что, Агарон Аветикович, – на этот раз Осипова обратилась к связисту официально, – попробуй-ка сам связаться с «Ариадной». Может, что и прояснится.

– Есть!

Агарок стремительно покинул кают-компанию.

– Включи общее оповещение! – крикнул ему вдогонку Вайс.

...

– Тесей. Я – Гектор. Ответьте, – разнеслось по всему кораблю через некоторое довольно короткое время.

В ответ только шорох и далекая музыка звезд.

...Только тут, на «Андромахе», я услышала, как поет Космос. Кто бы мог предположить, что в межзвездном пространстве не царит полная тишина. Оказывается, сферы просто наполнены звуками. Словно гигантские струны протянулись от планеты к планете, от звезды к звезде. Ровным глубоким басом гудит Солнце. Даже на таком расстоянии в солнечной музыке слышна

невероятная мощь. Нежно, словно убаюкивающее, звучит Земля. Правда, на таком расстоянии ее голос начинает перекликаться со своеобразным, ни на что не похожим, гулом Марса, в который украдкой вплетаются звучные нотки Юпитера. А там и еле слышные нити музыки Сатурна...

Но только попробуй о таком рассказать – на смех ведь поднимут.

– Тесей! Я —Гектор!

А в ответ только треск непонятных помех.

– «Ариадна!»

А в ответ тишина, словно «Ариадны» никогда в жизни и не существовало.

– «Ариадна!»

– Вжиу-вжик! – проверещало в приемнике.

Все присутствующие затаили дыхание. Вот-вот, и Велиныш ответит.

– Нет связи! – обреченно отрапортовал Агарок.

– Пусть свяжется с «Антигоной», – посоветовал Вайс, обернувшись к Оксане Николаевне.

Я выжидательно посмотрела на Осипову. Может, и вправду так поступить? «Антигона» же идет следом за «Ариадной» и явно она единственная, кто способен обнаружить нашу пропажу.

– Не вариант, – возразил Андрэ, – «Антигона» отстает от «Ариадны» на целую неделю.

Когда она подойдет к месту исчезновения, будет явно уже поздно...

– Может, тогда нам самим вернуться и поискать? – просительно произнесла Лузина.

– Хм... Вернуться... И сорвать план в сей Юпитерианской программы. Мы не имеем права отклоняться от маршрута.

Как он может так говорить. Там же наши товарищи. Может их еще можно спасти.

– К сожалению, ты прав, – вынуждено согласилась Осипова, – мы не можем возвращаться. Во-первых, это сожрет огромное количество энергии. А во-вторых, мы удалились от места исчезновения достаточно далеко. Разворот займет огромное количество времени. Кроме того, «Андромаха» просто не предназначена для таких маневров.

Нависло тягостное молчание.

– Так. В чем проблема-то? – снова проговорил Миллер, – пусть Агарок свяжется с «Антигоной», – Гаммы просканируют пространство в месте исчезновения. А вскоре они как раз и подлетят.

– Вскоре?

У всех присутствующих одновременно вырвался шумный выдох.

– Согласна. Тем более, что им все равно по пути, – негромко подвела итог Оксана Николаевна, – и будут на месте гораздо быстрее нас...

Удрученные, мы покинули кают-компанию.

Запись 7

– Теперь называй меня Головастиком! – такими словами вместо приветствия встретил меня компьютер.

– Почему именно Головастиком? – от неожиданности я на мгновение забыла об исчезновении «Ариадны».

– Потому, что я знаю, что произошло со вторым кораблем, – произнес Головастик, – и знаю, почему его сложно будет найти. Я умный – головастый...

Его высказывание словно приковало меня к месту. Я ошарашено огляделась вокруг.

– Не крутись, – в скрипучем металлическом голосе явно послышалось некоторое раздражение. – лучше включи. А то мне плохо видно тебя.

Я растерянно нажала клавишу пуска. Радостно осветился экран. Мне показалось, что мой собеседник облегченно перевел дух. Хотя, это, в принципе, невозможно. Разве может машина, даже невероятно продвинутая, испытывать хоть какие-то чувства и эмоции.

Компьютеры уже давно и прочно вошли в нашу жизнь. А уже в первой четверти двадцать первого века широкое распространение получили роботы, способные исполнять всевозможные функции. Но создать самостоятельно мыслящий искусственный мозг никак в полном объеме не получалось. Лишь отдельные, в общем-то прогрессивные, зачатки интеллекта удалось создать, да и то в довольно ограниченном количестве. А тут, вот смотри-ка, что получилось. Как можно было ожидать такое?

– Теперь, смотри, – снова заговорил компьютер.

Голос его разительно и музыкально изменился. Нет, я в дальнейшем все-таки буду называть его Головастиком, как, впрочем, он и просил.

На экране крутилась странная конструкция, составленная из силовых линий, словно из многочисленных проволочек. Объемная решетка имела отдаленное сходство с обычной гравитационной воронкой. Раструб воронки, направленный в сторону оставленной позади Земли, захватывал все околomarсианское пространство. Острый конец гигантского сооружения опирался прямо в предполагаемую линию орбиты Марса.

– Именно в эту воронку и попал корабль «Ариадна», – торжественно проговорил Головастик.

На экране, возле силовых линий конструкции, появилась небольшой яркий кружок космического корабля. Повинуясь воле Головастика, он скользнул в раструб воронки. Очертания корабля, постепенно размывались, пересекая их. Корабль становился все бледней и бледней и...

Оп!

На выходе, около узкого конца воронки, кружок корабля так и не появился.

Пальцы мои лихорадочно забегали по клавишам.

– Не мешай! – мелодично проговорил компьютер, – лучше уж я сам...

Я резко отдернула руки от клавиатуры.

Сами собой по экрану побежали длинные прерывистые строчки цифр. Цифры переплетались, перескакивали с места на место, складываясь в замысловатые сочетания, выстраиваясь в бесконечные колонки. Подстегиваемые цифрами, мерцающие линии постепенно приближались, все больше и больше увеличиваясь. Они распались на мельчайшие составляющие. Отдельные песчинки начали разворачиваться в замысловатые незнакомые формулы...

Я внимательно гляделась в экран. Формулы понятней не стали. Может, все-таки пригласить для консультации Джорджа? Все-таки математик, в какой-то мере. Или Андрэ? В принципе, и Агарок вполне смог бы с этим справиться. Но, захочет ли Головастик беседовать с кем-то другим, кроме меня? Во всяком случае, за все предыдущее время полета этого еще не было.

– Не надо никого звать, – поспешил вставить Головастик, – давай сначала попробуем сами разобраться.

Скорость мелькания цифр многократно увеличилась. Если еще несколько минут назад я могла разглядеть отдельные знаки, то теперь все они слились в единую светящуюся полосу.

– Вот она! – в звенящем голосе компьютера послышалось удовлетворение.

На экране остановилась одна, чрезвычайно разветвленная формула.

– Что это?

– Мы вряд ли одни во Вселенной.

Пусть звезды в глаза нам пылят.

И где-то в долинах безбрежных

На Землю с надеждой глядят, – продекламировал в ответ

Головастик.

Вот этого-то я никак не ожидала. Чтобы компьютер сочинял стихи? Пусть довольно примитивненькие, но сочинил же.

– И все-таки, что означает эта полученная формула?

Мне показалось, что экран мне заговорщически подмигнул. Может, пора перестать настолько одушевлять, хоть и мыслящую с определенной самостоятельностью, но все-таки машину? Только бы мою мысль Головастик не уловил. Вдруг да обидится?

Опять... Что ты будешь со мной делать?

– Это? – компьютер словно бы на мгновение загнулся, – Это развернутая формула пространственного преобразования. Или, так называемой «червоточины» – тоннеля перехода между параллельными Вселенными.

Что-то тут явно не то. Помнится, о «червоточинах» нам рассказывала все та же Оксана Осипова. Но, что-то мне подсказывало, что она нам демонстрировала далеко не такую формулу. Какой-то дополнительный элемент отличал выведенную на экран формулу от общепринятых данных.

– Не похоже, – выразила я сомнение, усаживаясь в кресло перед монитором.

Рука привычно набрала код «червоточины» на пульте цилиндра библиотеки.

Вот точно...

Совсем не то, что светилось на экране.

Видимо, лицо мое выразило нечто особенное, что заставило Головастика пристать ко мне с вопросами.

– Ты удивлена? Почему? – он молниеносно сравнил записи, – У тебя несколько другое математическое описание «червоточины»? Формула, рассчитанная на поверхности Земли, не соответствует действительности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.